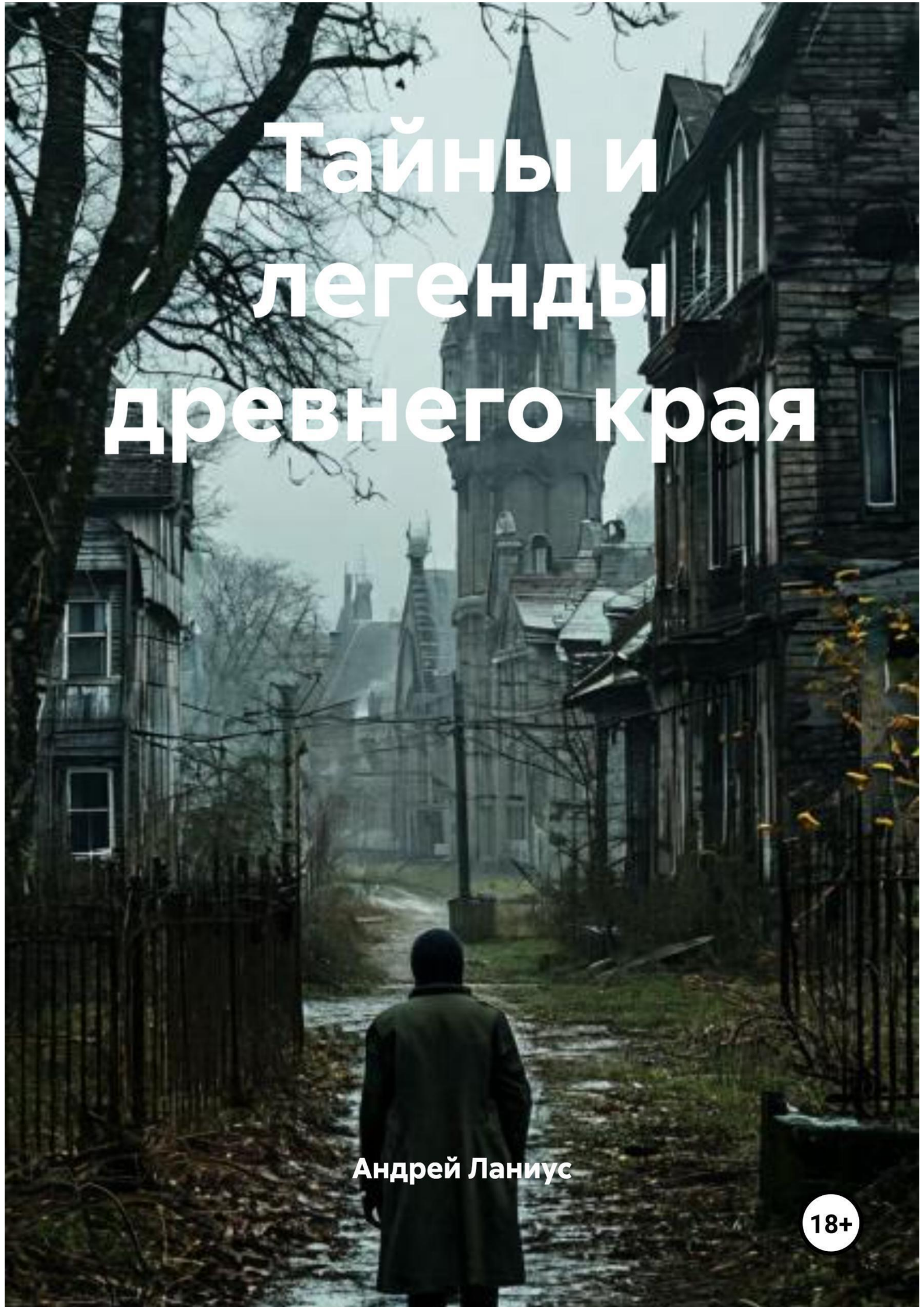

Тайны и легенды древнего края

Андрей Ланиус

18+

Хроники недавнего времени

Андрей Ланиус

Тайны и легенды древнего края

«Автор»

2025

Ланиус А.

Тайны и легенды древнего края / А. Ланиус — «Автор»,
2025 — (Хроники недавнего времени)

Занимательные, мистические, ужасные и вполне реальные истории из жизни журналиста республиканской газеты.

Содержание

Начало	5
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ЛУННЫЙ ПЕЙЗАЖ НА ЗЕМЛЕ	7
ГОРОД МЕРТВЫХ	8
НЕОБЪЯСНИМОЕ ИСЧЕЗНОВЕНИЕ	17
ДЕЙГИШ	20
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Тайны и легенды древнего края

Начало

Родился я в Средней Азии, в Ташкенте, в семье потомственного переселенца. Еще мой прадед пришел в Азию вместе с генералом Скобелевым, пришел как землепашец.

В 1985 в далекой Москве умер очередной Большой Раис, уже третий за неполные три года. Совсем больной был. Похоронили его по государственному обычаю – с пушками, с музыкой, с торжественными клятвами.

Вскоре после похорон там же, в Москве, в Большом Кремлевском сарае, состоялся курултай главных коммунистов, на котором они избрали нового Большого Раиса. На этот раз, похоже, решили не повторять прежних ошибок. Стариков беспокоить не стали, выдвинули молодого наследника: скромного, энергичного, приятного на вид, а главное – умеющего складно говорить без бумажки!

И в стране стали назревать события, перед которыми блекли все фантастические сюжеты.

В конце лета 1989 года я с семьей переехал в Ленинград. Следом прибыл и контейнер с домашними вещами, среди которых находились несколько картонных коробок с моим архивом.

Здесь был другой мир, другая шкала ценностей. Азиатская экзотика никого не интересовала – ни в литературном, ни в житейском смысле. Город смотрел на мир только через то окно, которое прорубил когда-то на этих берегах император Петр. Город хотел, чтобы и весь остальной мир считал его натуральной Европой. Ну, по крайней мере, самым европейским городом необъятной страны под названием Россия.

Что ж, мне оставалось только с грустью констатировать, что мой человеческий и литературный опыт в значительной своей массе был здесь неприемлем, поскольку проистекал из жизни в Азии.

Эту Азию надо было быстрее сбрасывать с себя, соскребать и даже отдирать с кожей, быстрее приобщаться к новым стандартам жизни. В свете этого практически весь мой архив оказывался бесполезным. Одно время я размышлял, не выбросить ли мне его в мусорный контейнер? Однако в чулане нашлось место для этих коробок. Туда же я сложил книги по среднеазиатской тематике в полной уверенности, что они мне уже никогда не понадобятся для работы.

С каждым годом в Ташкенте оставалось всё меньше моих знакомых европейского происхождения, с которыми я вместе работал, дружил, пил водку... Одни оказались в Москве, другие в Германии, третьи в Израиле, четвертые в Америке, а кто-то и в Австралии...

В какой-то момент моя связь с Ташкентом прекратилась совсем. Азиатский период моей жизни отошел далеко в прошлое. Мне казалось, что я всё-таки сумел вытравить из подсознания Азию. Я даже гордился этим.

А затем случилось неожиданное.

Без малейшей инициативы с моей стороны мне вдруг начали являться законченные сюжеты из моей азиатской жизни, но очень странные по форме и содержанию. Рациональная часть складывалась из тех реальных событий, которые когда-то происходили либо со мной, либо с моими хорошими знакомыми, либо с третьими людьми, о которых мне рассказывали надежные, вызывавшие доверие собеседники.

Самое удивительное заключалось в том, что практически я уже забыл про эти факты. И уж точно никогда не воспринимал их в виде последовательных сюжетов. Так, – какой-то калейдоскоп отрывочных событий, случайных совпадений... И вот вдруг оказалось, что они сами выстраиваются в моем сознании в четкую схему, имеющую некий подтекст.

Этот подтекст являлся по сути иррациональной, то есть, мнимой частью каждого сюжета, о чем никогда раньше я вообще не задумывался. Даже не подозревал о том, что за этими событиями стоит еще что-то другое. Но сейчас я чувствовал, что две эти части гармонично дополняют друг друга и невозможны одна без другой.

Сюжеты выстраивались передо мной с такой ясностью и полнотой, что мне оставалось просто записывать их. Они, что называется, неслись самотеком, будто поток, вырвавшийся из некоей запруды.

Глупо было противиться этому напору – с такой энергией слова просились на бумагу. Я записывал их и удивлялся – неужели это происходило когда-то со мной, неужели я был свидетелем всех этих странных и загадочных событий, даже не подозревая о том, что за вереницей разрозненных совпадений скрываются пласты неких явлений?! Как такое вообще могло произойти?!

Не имея еще никаких конкретных планов, я просто записал эти истории, а затем расположил их в той последовательности, в которой они мне явились. Какое-то время уточнял сомнительные места по своим старым записям и по справочникам.

Долгое время я хранил эти наброски в ящике письменного стола, даже в мыслях не держа оформить их в виде книги. Ну, кого в наше время могут заинтересовать какие-то “диловины” Средней Азии?!

Однако вскоре произошли события, заставившие меня взглянуть новыми глазами на тексты, будто продиктованные или подсказанные мне из того ирреального мира, где легко извлекается корень квадратный из минус единицы. Я понял, что в действительности эти “диловины” касаются не только Средней Азии. Они имели более глобальный масштаб. Во всяком случае, некоторые из них.

И еще: многие истории, на первый взгляд, совершенно разноплановые, в действительности оказались тесно связанными друг с другом

В один из долгих зимних вечеров я выложил эти наброски перед собой и принялся выискивать в них обещанный ответ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ЛУННЫЙ ПЕЙЗАЖ НА ЗЕМЛЕ

В этом разделе собраны истории, происходившие на территории Каракалпакии – одного из наименее заселенных и наиболее глубинных регионов бывшей единой страны. Средняя плотность населения не превышала здесь одного человека на квадратный километр. Но это в среднем. Фактически же почти всё население было сосредоточено вдоль берегов Амударьи и прилегающих каналов. За пределами этих оазисов лежал пустынный и пыльный, малоизученный край... Здесь в общей сложности я провел около года, забираясь порой в силу служебных обязанностей в самые глухие, непригодные для жизни уголки, где, казалось, само время застыло еще несколько веков назад. Однако же именно в этом пыльном краю я невольно прикоснулся к некоторым вещам, которые, быть может, относятся к тому же миру, что и иррациональные числа.

ГОРОД МЕРТВЫХ

Через некоторое время после получения диплома инженера-электрика я оказался на должности мастера в Ташкентской механизированной колонне номер 71. Эта организация, являвшаяся подразделением треста “Средазэлектросетьстрой”, строила высоковольтные линии и подстанции в благодатном ташкентском регионе. Из всех среднеазиатских мехколонн 71-я считалась самой благополучной. Однако в силу каких-то необъяснимых причин к этому столичному учреждению был прикреплен удаленный каракалпакский участок, расположенный в городе Тахиа-Таше, за тысячу километров от Ташкента. По традиции туда посылали либо проштрафившихся прорабов, либо начинающих мастеров. Но всё равно прикомандированные ИТР всеми правдами и неправдами удирали оттуда при первой же подвернувшейся возможности. Мое заявление о приеме на работу давало возможность руководству мехколонны хотя бы на время заткнуть вечно зиявшую кадровую дыру.

И всё же моя покладистость немало озадачила начальника мехколонны – выдавшего виды проницательного еврея Хейфеца. Возможно, он принял мое согласие (без малейшей попытки сопротивления!) за проявление романтизма, еще бытовавшего в ту историческую эпоху.

Полагаю, Хейфец не стал бы так удивляться, знай он о тех двух козырях, которые я держал в своем рукаве.

В Тахиа-Таше жила мать моей жены со своим вторым мужем – главным механиком крупного управления механизации. Вдвоем они занимали 3-комнатную квартиру (плюс огромная лоджия, на которой мы позднее жарили шашлыки) в лучшей части города и давно уже зазывали нас в гости. Таким образом, бытовые тяготы нам не грозили.

Но главный мой секрет, побудивший согласиться на “ссылную” командировку, заключался в другом. За месяц до этого я получил повестку в военкомат, где мне сообщили, что нынешним летом на основании закона о всеобщей воинской обязанности я буду призван на службу в качестве офицера-двухгодичника. В тот период обстоятельства складывались так, что я сам желал именно такого поворота в своей начинающейся трудовой биографии. Я только предупредил военкома, что летом, скорее всего, буду находиться на объекте, далеко от Ташкента. На что военком бодро ответил, что волноваться не нужно. Как только придет приказ, они свяжутся с руководством мехколонны и под личную ответственность начальника обяжут отозвать меня в кратчайшие сроки, хотя бы даже я находился у черта на куличках. (“У черта на куличках” – это военком как в воду смотрел!).

Поскольку более поздний разговор с Хейфецем состоялся у меня накануне майских праздников, то никаких особых тревог относительно своего будущего я не испытывал. Поездка в Тахиа-Таш виделась мне своего рода увеселительной прогулкой. Почему бы и не прогуляться недельку-другую по новым местам, перед тем как надеть погоны? Заодно бабка с дедом познакомятся с внуком. Кроме того, в Каракалпакии на все виды заработков накручивался коэффициент 1,35, что тоже было совсем нелишне.

Вместе со своим семейством я прибыл в Тахиа-Таш 9-го мая. Лето, как говорится, было на носу. Я даже опасался, что за оставшиеся две-три недели не успею ознакомиться с местной экзотикой.

Но всё сложилось непредсказуемо.

Урок номер один (очень старый урок): в этом мире всё относительно.

Из Ташкента Тахиа-Таш виделся страшным захолустьем, дальше которого “не пошлют”. Здесь этот городок был своего рода очагом цивилизации и комфорта. Строить объекты в его черте считалось привилегией, которую еще следовало заслужить.

А для начинающего мастера имелись более подходящие объекты. Например, высоковольтная линия к южному побережью Арала, где уже “сидела” бригада монтажников – бывалых, матерых мужиков, любителей выпить и пофилософствовать.

На этом объекте я проработал до конца июня, считая дни, когда придет долгожданный вызов.

Однажды днем Джура Аширов – водитель грузовика, доставлявшего на трассу всякую мелочовку, передал мне записку от начальника тахиаташского участка Власова – тот срочно отзывал меня с объекта в контору. Я воодушевился, решив, что пришел, наконец-то, долгожданный приказ, и военком трубит сбор. Значит, прощай, Власов, прощай, Тахиа-Таш, прощай, Каракалпакия, прощай, Азия! Буду служить где-нибудь в Европе!

Ничего подобного!

Оказалось, что наша мехколонна в срочном порядке приступает к строительству новой трассы на Устюрте, между двумя пунктами на маршруте завершенной недавно железной дороги. Чертежи получены, материалы уже в пути. Мне надлежало выехать на Устюрт завтра же для ознакомления со створом трассы и организации строительно-монтажных работ.

Оказывается, обитая в Тахиа-Таше и завершая трассу к Аралу, я и понятия не имел, что такое настоящая глухомань.

Но теперь мне предоставлялся шанс исправить это упущение. Меня ждал Устюрт. Территория, достойная того, чтобы без всяких скидок и поправок именоваться затерянным миром...

* * *

От полуострова Мангышлак на Каспии вглубь Азии на добрых четыре сотни верст – вплоть до Аральского моря с дельтой Амударьи – простирается гигантский каменно-гипсовый стол, приподнятый природными катаклизмами над окружающей местностью в среднем на полторы сотни метров. Это плато Устюрт, ландшафт которого – готовая декорация для кинофильмов фантастических фильмов о безжизненных планетах. Здесь нет ни одной реки, ни ручейка, ни какого-либо природного источника воды. Нет здесь и оазисов, подобных тем, которые встречаются в самых безводных пустынях. Большая часть плато покрыта такырами и солончаками, лишенными всякой растительности. Местами можно увидеть чахлый полукустарник, приспособившийся к бедной почве, – солончаковый ежевик, восточную солянку (кейреук), раскидистую полынь... Единственная порода дерева, встречающегося на некоторых участках плато, – это черный саксаул, который кажется засохшим, потому что совершенно не имеет листьев. Черный саксаул растет быстро, но срок жизни ему отмерен короткий – не более пятидесяти лет. Причем, примерно до середины этого возраста дерево идет в рост, а затем медленно отмирает. Чрезвычайно скуден животный мир ареала: изредка пробежит в отдалении стадо сайгаков да прошуршит по выжженной солнцем земле четырехполосый полоз... Птицу в небе над плато увидишь нечасто. Летом здесь жара за сорок, зимой – морозы, сравнимые с сибирскими.

Устюрт – это та же пустыня, только не песчаная, а гипсовая – с огромными пятнами такыров и солончаков, еще менее приспособленная для жизни.

Расположенные по соседству неласковые пустыни Каракумы и Кызылкум по сравнению с плато Устюрт – прямо-таки райский сад!

Но есть всё же одна характерная особенность, которая роднит Устюрт с затерянным миром, созданным воображением Артура Конан Дойла. Это ЧИНКИ – обрывистые, зачастую совершенно отвесные склоны-стены, резко отделяющие плато от окружающего пейзажа. Есть места, особенно вдоль западного побережья Арала, где высота чинков превышает 150 метров, причем поверху они имеют нависающий известняковый козырек, что делает их совершенно неприступными. Извилистая стена чинков тянется до самого горизонта, растворяясь в белесой дымке. Глаз не находит ни одного прохода в ней. Такие же чинки не редкость и на сухопутных границах плато, в частности, там, где Устюрт круто обрывается к знойным барханам Каракумов.

* * *

За неимением других вариантов, наш лагерь разместился на разъезде Равшан. Здесь уже имелась “резиденция” начальника будущей станции, а фактически – путевого обходчика. Это был шупленький, но довольно бойкий русский старик, который даже в самый неистовый зной с подчеркнутой гордостью носил черную железнодорожную форму и фуражку с путевой эмблемой. Другим обитателем этой самой глухой из когда-либо виденных мною “станций” была жена “начальника” – крупная, рыхлая и весьма добродушная старуха, щеголявшая в синем домашнем халате и тапочках на босу ногу. Жили старики дружно, избегая каким-то чудом ссор даже в этом полном безлюдье и безмолвии. Рядом со своим жилищем – сборным щитовым домиком – они возвели два-три сарая из шифера и тарных досок, где развели курей и овец. На подоконнике их домика росли в горшках какие-то цветы. Полагаю, эти цветы, эти куры и овцы были единственными представителями одомашненной флоры и фауны на много десятков километров вокруг. Порой поглядывая на эту пару, более естественную для российской глубинки, я думал о тех неисповедимых путях, которые ведут человека по жизни вопреки его мечтам и надеждам. Одновременно передо мной был потрясающий пример выживаемости русского человека в самых неподходящих для себя условиях.

Впрочем, воды здесь было вдоволь. На запасных путях стояла цистерна с водой, которую заменяли раз в месяц. Вода считалась питьевой, но сильно отдавала горечью, которая отчасти улетучивалась после длительного кипячения. Зато принимать душ можно было без оглядки на экономию драгоценной в этих краях влаги.

Раз в неделю со стороны Кунграда локомотив прикатывал вагон-магазин, весь ассортимент которого состоял из хлеба, консервов, макарон, круп, сахара, соли и сигарет. Впрочем, столкнувшись с продавцом, можно было приобрести у него бутылку-другую узбекистанского портвейна, ценимого любителями этого напитка даже в Москве.

Чтобы не смущать покой “начальника станции”, свой лагерь мы разместили по другую сторону железнодорожных путей. Это было три вагончика на колесах – два жилых и склад инвентаря и инструмента. Металлические траверсы и фарфоровые изоляторы хранились под открытым небом. Упереть их отсюда было попросту некому.

Ближайший “населенный пункт” находился от нас на расстоянии примерно тридцати километров. По меркам Устюрта, это была действительно бойкое место. Там базировался студенческий строительный отряд из крупного ленинградского вуза (кажется, транспортного, хотя полной уверенности у меня нет). Примерно две-три сотни парней и девчонок. Они устраняли какие-то мелкие недоделки на железнодорожной колее, всё еще не пущенной в эксплуатацию. На Востоке местные жители предохраняются от теплового удара, как известно, нося ватные халаты и каракулевые шапки. Ленинградских студентов, похоже, тепловой удар не пугал. Напротив, они воспользовались возможностью, чтобы попутно загореть до черноты. Блондинки из северной столицы щеголяли в бикини, узковатых даже по сегодняшним меркам. Коэффициент площади загара определенно приближался к ста процентам. Надо ли говорить, что все без исключения наши шоферы, все эти усатые восточные джигиты, вывозившие на трассу детали опор и металлоконструкций, в обязательном порядке сворачивали в студенческий лагерь, имея целый набор предлогов (попросить воды, спичек, йода, чтобы замазать царапину на пальце и т.д.)?! Некоторые устраивали там же мелкий ремонт, стремясь хоть как-то продлить миг очарования...

Но после студенческого лагеря колея уже вводила от железной дороги, и теперь до самого Кунграда не было ничего, кроме однообразного, унылого пейзажа. И так – на протяжении трех часов езды. Впрочем, опытный шоферский глаз различал ориентиры и в этой кажущейся однообразии: холм особой формы, шест с выцветшей тряпкой на макушке, ржавая кабина, лысая крышка... За несколько десятков километров до Кунграда в зоне прямой видимости оказывалась ретрансляционная вышка, установленная на краю города, у самой границы Устюрта.

С наступлением темноты на ее макушке зажигались красные огни, не заметить которые было невозможно. Впрочем, даже бывалые водители ночью через Устюрт старались не ездить.

За всё время моего пребывания на Устюрте лишь однажды мимо нашего лагеря гордо прошествовали нежданные странники. Это была семейная пара кочевников, явившихся откуда-то из глубин Устюрта и направлявшихся неведомо куда.

Впереди размеренно шагал поджарый старик в пропыленном ватном халате и в высокой бараньей шапке, такой древний, что его загоревшее до черноты лицо казалось состоявшим из одних морщин. Он ступал с той неторопливой легкостью, какая отличает людей, привыкших ежедневно покрывать пешком многие километры. На поводу кочевник вел навьюченного двухгорбого верблюда.

На втором верблюде величественно восседала полная женщина средних лет в длинном темном платье, в черном, расшитом серебряными узорами бархатном жакете и в коричневых ичигах – легких брезентовых сапожках. Ее волосы были повязаны большим цветастым платком, но широкое круглое лицо, не такое смуглое, как у старика, оставалось открытым, – у кочевников женщины никогда не носили чадру. Надо полагать, старик взял ее в жены еще девочкой.

Замыкал шествие третий верблюд, который нес на себе весьма объемистый груз. Султанмурат сказал, что это сложенная юрта.

Верблюды ступали след в след, хотя вокруг была необъятная ширь.

Кочевники так и не свернули к нашему лагерю, будто и не заметили нас вовсе. Молча прошествовали в некотором отдалении, бесстрастно пересекли линию железной дороги как некое досадное препятствие и вскоре исчезли за холмом.

Итак, неделя шла за неделей, а меня всё не отзывали на лоно цивилизации. Вот уже и лето прошло. К середине сентября я решил, что министерство обороны изменило планы в моем отношении, и встречать новый год мне придется здесь, на полустанке Равшан.

Давно устав надеяться, я целиком сосредоточился на проблемах стройки. Устюрт не давал скучать. Здесь, например, были очень странные почвы. Для установки железобетонной опоры требовалось пробурить в земле круглую дырку трехметровой глубины. Верхний слой почвы бур проходил легко, но затем резцы принимались скрежетать так надрывно, словно им встретился скальный монолит. Мы бочками лили в скважину воду, но это плохо помогало. На бурение одной ямы мы тратили три-четыре часа. Зато на следующем пикете, через каких-то 150 метров, бур попадал в рассыпчатый песок. Пробуренная яма тут же осыпалась, почти полностью исчезая из виду. Мы снова лили воду, в надежде, что та укрепит стенки, и мы успеем поставить опору, прежде чем яма снова осыплется.

По вечерам из глубины Устюрта доносился странный вой, звучащий, казалось бы, в разных точках.

– Что это? – спросил я за ужином, впервые обратив на него внимание.

– Шакалы воют, – ответил крановщик Яша Павлов.

– На Устюрте нет шакалов, – вздохнул бригадир, сердитый татарин Загидуллин. – Здесь вообще нет ничего живого. Даже змеи не выдерживают. Одни мы тут торчим.

– Это воют души тех, кто попал в Город Мертвых, – сказал вдруг подсобник Жакслык – самый молодой из нас. Он, да еще степенный Султанмирза – водитель-механик буровой установки, были в бригаде единственными представителями коренного населения, чьи предки жили в этих краях испокон веков.

Едва он произнес это, как Султанмирза бросил ему что-то резкое и суровое на местном диалекте.

Жакслык поперхнулся и покраснел.

– Что такое Город Мертвых? – спросил я, поочередно обращаясь к ним.

– Глупые сказки! – отрезал Султанмирза.

Как я ни старался, никто из них на эту тему больше не заговаривал.
Но это название – “Город Мертвых” – сразу же легло в мою память.

* * *

В тот самый период, когда я окончательно настроился на ударный труд на бескрайних просторах Устюрта, всё вдруг круто переменялось.

Был по-летнему знойный сентябрьский день, когда верткий синий самосвал прямо на трассу примчал ташкентскую бухгалтершу Валию с ее кожаной сумкой, где находилась наша зарплата. Да-да, зарплату в те времена привозили непосредственно на объект, где бы тот ни размещался. Причем, деньги везли аж из Ташкента. Сначала их, естественно, получали в банке, затем сотрудницы бухгалтерии разъезжались с конкретными суммами по участкам. Бедняжке Вале достался самый дальний – тахиаташский участок. То есть, в единственном числе, без всякой охраны, с деньгами для сотни монтажников и ИТР, она летела самолетом до Нукуса, в аэропорту пересаживалась на присланный за ней самосвал, на котором и объезжала в течение двух-трех дней все объекты, включая наш, устюртский. Подобный порядок существовал и во многих других организациях, имевшие свои подразделения в Каракалпакии. Заранее были известны маршруты передвижения кассиров, суммы, которые они имели при себе (подчас весьма внушительные!), и всё же никто не мог припомнить какого-либо ЧП, связанного с этими рискованными поездками.

Едва самосвал затормозил, как Валя высунулась из окошка и закричала мне:

– Ну, что же вы стоите?! Собирайтесь! Вас срочно вызывают в Ташкент!

“Вызывают в Ташкент...” – среди бескрайних такыров и пропитанного глинистой пылью жаркого воздуха это звучало сладкой музыкой.

– Собирайтесь! – заметно нервничая, повторила Валя. – Сейчас раздам зарплату, и тут же едем обратно! Иначе я опоздаю на самолет!

Я ждал этого момента, и всё же уезжать в спешке было неловко перед своими рабочими, да и невозможно. Я должен был передать бригадиру проектную документацию, объяснить, как вести отчетность...

Но и Валию нужно было понять.

Ситуация разрешилась наилучшим образом через четверть часа, когда на трассу прибыл трехтонный грузовик из Тахиаташа, на котором водитель Джура Ашуров – тот самый, что три месяца назад “вытащил” меня на Устюрт – привез уголки для траверс. В отличие от Вали, он никуда не спешил. Напротив, объявил, что после обеда должен заняться мелким ремонтом.

Успокоившаяся Валя умчалась налегке в сторону Кунграда. Я же поднялся в вагончик, пригласив с собой для обстоятельной беседы бригадира Загидуллина и предупредив Ашурова, что поеду в город с ним.

Ремонт самосвала затянулся. Затем Ашуров томительно долго доливал масло, набирал в канистру воду.

Когда тронулись в дорогу, солнце уже начало клониться к горизонту. Но Ашуров был опытный водитель. На Устюрте он работал и раньше – еще во времена строительства газопровода Бухара – Центр. На пути до Кунграда ему была знакома каждая кочка. Это был восточный мужчина цветущего возраста с черными смеющимися глазами, усиками щеточкой и большим разбойничьим носом. При этом его нрав был самый жизнерадостный и миролюбивый. Он постоянно острил, балагурил, рассказывал какие-то невероятные истории и сам же громко смеялся первым. Я никогда не видел его в унылом настроении. Вот и сейчас, узнав, что меня призывают на службу, он принялся вспоминать анекдотические истории из своей армейской жизни.

Какое-то время мы ехали вдоль железной дороги. Когда впереди показались строения и палатки студенческого лагеря с фигурками девушек в бикини, у моего Ашурова разгорелись глаза:

– Слушай, мастер, я тут занозу загнал, пока ремонтировался, а у них есть хороший доктор. Давай заскочим, а? На минутку?

Только теперь я понял, почему этот плут так долго собирался в дорогу. Он рассчитывал подъехать к студенческому лагерю в тот момент, когда девушки возвращаются с работы.

Что ж, Ашурова избавили от занозы – настоящей или мнимой, затем нас напоили ледяным компотом из холодильника, угостили пирожками с рисом. Не обошлось и без светской беседы.

К тому моменту, когда мы продолжили путь, над плато уже догорала последняя полоска вечерней зари. Стало ясно, что Кунграда мы достигнем в полной темноте. Впрочем, ни водителя, ни меня эта перспектива ничуть не тревожила.

Ашуров долго еще цокал языком, восхищаясь смелостью северных девушек, которые не боятся ходить перед парнями почти без одежды. Похоже, эта картина никак не отпускала его разыгравшееся воображение.

Но постепенно внимание водителя переключалось на дорогу.

Несмотря на то, что плато представляло собой вроде бы каменистую плиту, поверхность которой в основном напоминала асфальт, но встречались и здесь весьма опасные участки.

Главный враг здешних водителей – это пухляк.

Знаете, что такое пухляк?

Если тяжелый грузовик начнет пробуксовывать на такыре, то верхняя плотная корка и лежащий под ней рыхлый слой почвы быстро превратятся в мельчайшую, невесомую пыль, которая в руке течет как вода. В озерце такой пыли колесу не за что зацепиться, оно прокручивается вхолостую, лишь оседая еще глубже. Все водители знают это, и каждый стремится объехать опасное место по всё более крутой дуге, отчего пухляк расплзается иногда на сотни метров. Бывает, перед иным пухляком колея ветвится на десятки рукавов, а после снова сходится в две ниточки. Только не зевай!

Впрочем, прозевать пухляк трудно – он виден издалека. Но опасность в том, что сегодня пухляк может оказаться там, где вчера на него не было и намека. Иной раз водителя может подвести именно его опытность. Полагаясь на знакомый участок дороги, он смело гонит вперед и вдруг увязает в пухляке.

Существует немало страшных историй о водителях, застрявших в коварном пухляке в глубине Устюрта, в стороне от “караванных” путей. Своими силами выбраться из глубокого пухляка невозможно, и если вовремя не подоспеет помощь, то дорожная неприятность может обернуться очень большой бедой...

Мы отъехали совсем недалеко от железной дороги, когда перед нами оказался довольно обширный пухляк.

– Днем я здесь едва не застрял! – пожаловался Ашуров. – Нехорошее место! Надо объехать его покруче!

Пухляк простирался далеко и охватывал подножье соседнего холма.

Объезжая “нехорошее место”, мы свернули за этот холм, вправо от которого уходила хорошо накатанная колея. По ней мы и помчались. Внезапно колея раздвоилась. Мне казалось, что нам следует брать левее, но Ашуров повернул на правую.

– Объедем пухляк с запасом, – объяснил он. – Пусть будет чуть дальше, зато надежнее.

Я пожал плечами, демонстрируя, что всецело доверяю его шоферскому мастерству.

Вскоре мы опять оказались на такырах и погнали дальше на полной скорости. Устюртские такыры – совершенно голые, они абсолютно лишены травы, даже из трещин не пробивается никакой растительности. Ашуров, не прекращавший балагурить ни на миг, стал теперь напевать какие-то местные частушки с повторяющимся рефреном, который он выкрикивал во весь голос:

– Ха-хой, бола!

Энергия жизни так и клокотала в нем.

Я же задремал, причем основательно.

Когда снова открыл глаза, вокруг царил темная ночь. Снопы фар вырывали из плотного мрака однообразную поверхность. Мой спутник молчал.

Я искал глазами красные огни кунградской вышки, но не нашел их и решил, что еще рано. Но, взглянув на часы, удивился. Оказалось, что с момента выезда из студенческого лагеря прошло уже более полутора часов.

Я посмотрел на Ашурова и поразился перемене с ним. Таким я его еще не видел. На его напряженном лице не было и признаков беспечности. Он смотрел вдаль с какой-то обреченностью, так не свойственной его живой натуре. ... Наклонившись вперед и судорожно вцепившись в руль, он всматривался в ночь с таким страхом, будто ожидал появления из темноты каких-то ужасных призраков.

Неужели мы заплутали, мелькнула мысль, не вызвавшая, впрочем, никакой тревоги. Я знал, что в этом уголке плато заблудиться попросту невозможно. Под колеса летела хорошо накатанная колея. А все колеи тут вели в одно место – к единственному выезду с плато перед Кунградом. Город начинался сразу же за спуском. А где-то далеко за нашими спинами огромной дугой проходили ветки газопровода и линия железной дороги. Разумеется, площадь этого сектора была немаленькой, но опасность заблудиться в нем, повторюсь, исключалась полностью. Вдобавок, бензина у нас было под завязку. Была и питьевая вода. Однако же, странно, что до сих пор нет огней кунградской вышки.

Впрочем, нет, вот впереди проблеснули две красные точки. Только были они почему-то не в небе, а... на уровне плато. Очевидно, какой-то другой, тоже запоздалый шофер держит курс на Кунград, и мы видим задние огни его грузовика, подумалось мне.

– Джура! – окликнул я спутника. – Что случилось? Почему такой невеселый? Ведь скоро увидишь своих детей!

Он вздрогнул и воскликнул негромко, не оборачиваясь:

– Не шути так, мастер! Шайтан нас водит!

Я ничего не понимал.

– Джура, какая муха тебя укусила?!

Он вдруг вскрикнул и резко затормозил. И тут впервые в жизни я увидел, как у человека поднимаются дыбом волосы на голове.

– Город Мертвых... – прошептал он и добавил еще какое-то звучное слово, которое не удержалось в моей памяти.

Я посмотрел туда же, куда смотрел он.

В свете фар прямо перед нами поднимался глинобитный поселок. Но ведь только что впереди ничего не было! Или всё-таки разговор с водителем отвлек меня на какую-то минуту? Глухие стены без единого окна, купола, арки, ворота, узкие извилистые улочки... Над каждым строением поднимался высокий шест с привязанными к нему полосками ткани.

Только тут я сообразил, что это мазары – гробницы, а всё вместе – местное кладбище. Оно целиком занимало весь холм и, судя по всему, содержалось в образцовом порядке. Однако... Кладбище в безлюдной местности, на Устюрте?! Откуда?! (А красные-то огонечки горели внутри, за воротами, теперь это было очевидно!)

Впавший в транс Ашуров что-то нашептывал по-своему. Его жесткие черные волосы торчали вверх как наэлектризованные. У меня появилось ощущение, что я нахожусь во власти какой-то неведомой силы, которая бесцеремонно изучает... мои мысли. Я всё видел и слышал, но ничего не мог поделать. В ушах стоял какой-то нарастающий звон. Время словно остановилось.

Красные огоньки светились как бы внутри мертвого города, и в то же время казалось, что они мерцают где-то далеко-далеко и... манят к себе.

Ашуров явно пребывал в состоянии ступора. Внезапно он встрепенулся и включил скорость. Вытянув вперед шею и глядя не мигая на красные огни, он вел автомобиль точно к воротам глиняного города.

Меня и самого охватила некая неодолимая не сонливость даже, а покорность. Не знаю, каким чудом мне удалось стряхнуть ее с себя. Я с силой хлопнул Ашурова по плечу:

– Очнись, Джура! Сворачивай!

Мой водитель вдруг радостно вскрикнул и энергично нажал на газ, пускаясь в объезд этого таинственного холма.

Самосвал летел как на гонках. Вокруг не было видно ни зги. Красные огоньки по-прежнему дрожали впереди, где-то у самой земли, но они ничуть не рассеивали мрака. Лишь ветер гудел, хотя пыли я не видел. Я вдруг понял, что это не ветер, а тот самый вой, который мы слышали по ночам на полустанке.

А затем возникло ощущение резкого скачка. Словно бы мы пробили некую упругую преграду. Прыгнули и красные огни, миг сделавшись крупнее и ярче. Теперь они горели в вышине и, несомненно, размещались на вышке.

Еще через десять минут мы уже катили по окраинной улице спящего Кунграда.

Ашуров сиял.

– Аллах смилостивился над нами и вывел из Города Мертвых! – объявил он, всё еще пребывая в состоянии эйфории.

– Что за Город Мертвых? – спросил я. – Откуда на Устюрте такое кладбище?

– Это не кладбище, – покачал он головой. – Это Город Мертвых. Многие попадают туда, но редко кто возвращается. Нам повезло. Видать, на то была воля Аллаха! – и он, на секунду оторвавшись от руля, молитвенно сложил ладони перед собой.

– Объясни, Джура! – потребовал я.

Он энергично махнул рукой:

– Забудь, мастер! Помни только одно: ты родился в рубашке! Если бы не ты... – вместо продолжения он нажал на газ.

От Кунграда начинается асфальт. Ночное шоссе было практически пустынным, и наш грузовик летел, как на крыльях.

Километрах в тридцати перед Тахиаташем расположен такой же по величине город Ходжейли. В центре города тогда имелся довольно приличный ресторан, работавший допоздна. Впрочем, даже после закрытия выпивку всегда можно было достать у вахтера. К этому ресторану и свернул Ашуров, даже не предупредив меня. Остановил машину в переулке, сбегал и вернулся с бутылкой водки.

– Должны же мы отметить твой отъезд, мастер, – только сейчас объяснил он свою инициативу. Однако же мне показалось, что он хочет отпраздновать что-то другое.

Мы продолжили путь. Немного не доезжая до Тахиаташа, Ашуров свернул в рощицу. Здесь мы и отметили то ли мой отъезд, то ли наше чудесное спасение.

Когда шофер слегка захорошел, я снова вернулся к ночному происшествию. Но зашел с другой стороны.

– Послушай, Джура! Как могло случиться, что ты, такой опытный водитель, заплутал на крохотном пятачке?

– Я не плутал, – покачал головой честный малый. – Это он меня вел!

– Кто – он?

– Не спрашивай! Если бы ты не ударил меня по плечу, мы давно были бы уже в Городе Мертвых! Навсегда!

– Но где находится этот Город Мертвых? Я ведь спрашиваю не из праздного любопытства. Я должен знать, Джура, чтобы в следующий раз держаться от этого места подальше!

– Его нет! – покачал головой мой собеседник. – И он везде! Когда приходит твой последний час, то перед тобой возникает Город Мертвых, и тыходишь в его ворота даже помимо своего желания. Тебя ведет сила, которой простой смертный не может противиться. Я думаю, он хотел забрать меня к себе за то, что я смотрел на девушек нескромными глазами. Но, видимо, твой час еще не настал, и потому он позволил продлиться и моей жизни, позволив свернуть от страшных ворот...

Тут Ашуров вдруг протрезвел, и более уже не касался этой темы.

* * *

Через несколько лет, уже после службы в армии, я снова оказался на какое-то время в Тахиаташе, и целенаправленно расспрашивал многих местных о Городе Мертвых. Никто не ответил мне даже намеком, но в глазах я читал тщательно утаиваемый ужас. Искал я и Ашурова. Выяснилось, что вскоре после моего отъезда он уволился и вместе с семьей переехал к родственникам куда-то под Казалинск. Это удивительно, потому что местные редко трогались с места, да еще всем домом.

Мазары я видел не раз и прежде. Немало их находится вдоль железной дороги Ташкент-Москва, по которой я путешествовал практически ежегодно. Но эти мазары всегда находились в относительной близости от жилья.

Откуда же взялось ухоженное кладбище на Устюрте? Откуда оно появилось в местности, куда и кочевники не заглядывали десятки лет? Кто доставлял туда материалы для строительства? Возвести такой “город” из привозных материалов под палящим солнцем совсем непросто. Наконец, как объяснить дрожащие красные огоньки, которые я видел собственными глазами сначала внутри Города Мертвых, а затем на открытой местности?

И еще: как могло случиться, что я на долгие годы забыл эту историю, сам же постарался вычеркнуть ее из памяти? Я даже убедил себя, что эти огоньки померещились мне в полудремотном состоянии. А намеки Ашурова и Жакслыка приписал суеверности местного населения.

Таково, очевидно, свойство нашего разума: столкнувшись с чем-либо, выходящим за пределы обыденной повседневности, он наводит нас на единственно доступный ответ: померещилось!

Но ответ может быть и другим – из мира “иррациональных чисел”.

Однако еще не время делать выводы. Прежде я должен обрисовать другие странные происшествия, память о которых вернулась ко мне столь неожиданным образом.

НЕОБЪЯСНИМОЕ ИСЧЕЗНОВЕНИЕ

Этот случай, закончившийся гораздо трагичнее предыдущего, произошел на строительстве магистрального газопровода Средняя Азия – Центр, примерно в том же углу Устюрта, где позднее находился наш лагерь, о котором я рассказывал выше. Железной дороги в ту пору еще не существовало.

Изложение этого происшествия я слышал от самых разных людей. Разночтения, конечно, имелись, но совпадающих деталей было все-таки больше. Историю эту я услышал уже после того, как едва не угодил с Ашуровым в Город Мертвых (хотя хронологически она произошла на несколько лет раньше). Но, быть может, только поэтому она и легла в мою память. Но даже тогда, по первому впечатлению, я не считал, что она имеет мистические корни, а относил ее на счет неизученных загадок природы.

Между прочим, об этой истории в свое время писали даже некоторые центральные газеты. Помнится, в какой-то подшивке (кажется, это была “Комсомольская правда”) мне однажды попала на глаза большая статья о строителях газопровода, где этой истории посвящались несколько абзацев.

Но что же это за история?

* * *

Жара и пыль не менее опасны для техники, чем влага и морозы. Все механизмы, работавшие на прокладке газопровода, нуждались в регулярном профилактическом обслуживании. Этим занимались опытные прикомандированные механики, которые небольшими звеньями, а чаще вдвоем с водителем, передвигались вдоль трассы от бригады к бригаде в специальных автомастерских – небольших грузовиках повышенной проходимости ГАЗ-66 с будкой.

...В тот знойный июльский день такыры и солончаки раскались так, что на их поверхности свободно можно было жарить яичницу, словно на сковородке.

Закончив работу на одном из пикетов, автомастерская двинулась к следующей бригаде, которая вела прокладку в трех километрах впереди. Отсюда хорошо просматривались не только стрелы работавших там автокранов, но и фигуры строителей.

Чтобы попасть к ним, автомастерская должна была объехать высокий холм (вроде того, который объезжали мы с Ашуровым), подступавший к трассе с правой стороны. Туда вела довольно накатанная колея, по которой раньше перевозили трубы и другие материалы. Никаких пухляков там не было и в помине. По этой колее двинулась и автомастерская.

Все строители, работавшие на пикете, видели, как она скрылась за крутым горбом холма. Но до второй бригады грузовик технической помощи так и не доехал. Он бесследно исчез вместе с водителем и механиком. За холмом, диаметр которого в основании едва ли превышал сотню метров. Ну, от силы – полторы. Этот холм был единственной высотой на прилегающей местности. Повсюду, насколько хватало глаз, простиралось ровное, как стол, плато. Но люди и грузовик исчезли. Будто провалились сквозь землю.

Спыхватились их, правда, не сразу. Ведь в первой бригаде никто и мысли не допускал, что машина не доехала до соседей. А во второй бригаде посчитали, что у соседей произошла какая-то крупная поломка, и оттого автомастерская задержалась там до вечера. Мобильников в ту пору, понятно, еще не было. Правда, в бригадах имелись рации, но они, как правило, были рассчитаны на связь с диспетчером. Притом, никто и не собирался бить тревогу.

Лишь вечером, в жилом лагере, выяснилось, что машина куда-то подевалась. Кто-то высказал предположение, что экипаж техпомощи, спасаясь от жары, решил передохнуть в ближайшем городке, да там и заночевал. Вообще, загуляли ребята. Но эта версия выглядела натянутой. И водитель, и механик были дисциплинированными, совестливыми работниками, не склонными к легкомысленным выходкам. Притом, ближайший (и единственный!) “городок” –

Кунград – лежал в полутора сотнях километров от трассы. Вдобавок, любой транспорт, передвигающийся по плато, поднимал за собой целое облако пыли, которая долго еще кружила в белесом воздухе. Но никто из строителей не мог припомнить, чтобы видел после отъезда техпомощи такое облако где-нибудь в стороне. Машина словно испарилась, растворилась в пространстве.

Едва рассвело, организовали поиск. Первым делом осмотрели холм. С его плоской вершины плато проглядывалось далеко во все стороны. Заблудиться здесь было физически невозможно. По левую руку тянулась глубокая траншея с частично уложенными трубами. Переехать через нее можно было только по специальным мостикам, устроенным в местах дислокации бригад. Да и гул работавшей на трассе техники был слышен далеко окрест. Почва у подножья холма была каменистой. Песок, занимавший небольшой участок, лежал плотным и твердым слоем. Следов, оставленных автомобильными шинами, повсюду было великое множество, и разобраться, какие из них принадлежат техпомощи, не представлялось возможным. Да и не было такой необходимости. Ведь полностью отсутствовали признаки, которые могли бы навести на мысль о какой-нибудь странной, совершенно невообразимой аварии. Ничего подобного не отмечалось за весь период строительства газопровода.

Где же машина? Что случилось? Ведь люди-то пропали!

Во второй половине дня к поиску подключились вертолеты. Погода стояла ясная, солнечная, безветренная. Видимость была идеальной. Вертолеты постепенно расширяли зону поиска, снижаясь всякий раз, когда замечали внизу автомобиль с будкой. Но всегда оказывалось, что это другой транспорт, ведь на строительстве трассы работали сотни единиц техники.

Группы поисковиков на вездеходах буквально проутюжили всю местность на сотни квадратных километров вокруг, расспрашивая всех встречных. Но никто не видел ни пропавший ГАЗ-66, ни членов его экипажа. Проверили Кунград и примыкающие к нему поселки, навели справки у путейцев на маленьких железнодорожных станциях... Не появилось даже малейший зацепки.

Напряженные двухнедельные поиски, в которых участвовали десятки специалистов и сотни добровольцев, так и не принесли результата.

В конечном итоге решили, что под влиянием нещадного зноя люди направились к Амударье, до которой было около двухсот километров. Очевидно, по причине усталости водитель не справился с управлением. Машина сорвалась с крутого обрыва и быстро затонула вместе с людьми. Это было единственное внятное объяснение случившегося. Вывод же делался такой: не шутите с природой, строго соблюдайте все правила и инструкции, и тогда с вами не случится никакой беды!

А кто же с ней шутил, с матушкой-природой?

* * *

Этот случай много лет хранился где-то в дальних уголках моей памяти.

Я никогда не вспоминал о нем. До той поры, пока неведомый голос не реанимировал его во всех деталях. Этот же голос подсказал, что очень скоро я услышу частичное объяснение этого таинственного происшествия.

И вот однажды, поздним вечером, уже готовясь выключить телевизор, я начал переключать каналы в поисках прогноза погоды на завтра.

Тут-то и произошла очень странная вещь, из серии тех совпадений, которые проявляются вдруг, принося ответы на давние загадки и многое расставляя по своим местам.

Шел американский или английский фильм о зыбучих песках. Там рассказывалось о случаях, когда зыбучий песок поглощает людей и животных. Еще секунду назад я не собирался смотреть эти сюжеты. Однако же, рука сама отложила в сторону пульт, а из тайников памяти вдруг сами собой выплыли воспоминания о пропавшем за устьюртским холмом автомобиле. Казалось, нет никакой связи между этим давним случаем и тем, что происходит на экране. Но

меня не покидало ощущение, что, быть может, сейчас я узнаю разгадку. Было, однако, неясно, при чем тут зыбучие пески? Диктор рассказывал, что песок проявляет свою зыбучесть только в присутствии воды. Да и то не всякий песок. Ведь песчинки не все одинаковы. Всего насчитывается более сорока их разновидностей. В любой песчаной почве можно найти несколько видов песчинок. Большинство из них имеют неправильную форму, острые края и выступы, которыми сцепляются между собой и создают весьма плотную, твердую массу. Но порой встречаются песчинки почти идеально круглой либо овальной формы. Вот они-то легко скользят друг относительно друга. При этом чем мельче размер “круглых” песчинок, тем активнее их текучесть.

Зыбучий песок можно приготовить самому в тазике, взяв нужные пропорции “круглого” песка и воды. Тяжелый предмет, установленный на поверхность такой смеси, постепенно утонет в ней. Но и здесь необходимым компонентом должна быть вода.

И вдруг...

С экрана прозвучало, что зыбучий песок встречается и в пустыне! В условиях полного отсутствия воды! Ее роль выполняет, например, вибрация, возникающая при землетрясении. Участок “круглого” песка приходит в движение и поглощает жертву, случайно оказавшуюся в этот момент на поверхности. Тут важно отметить, что участок пустынного зыбучего песка может занимать совсем небольшую площадь. В обычных условиях этот песок ничем не отличается от песка на соседних, “нормальных”, участках. Вы могли только что танцевать на нем целой компанией. И ничего, он всех выдерживал, даже самых толстых. Но если в следующую секунду песок по какой-то причине начнет вибрировать, то вам конец – и толстым, и тонким.

Теперь мне стало ясно, как всё это могло происходить в тот далекий знойный день.

За холмом располагался участок зыбучего песка, быть может, совсем небольшой, всего-то в несколько квадратных метров.

Да, Устюрт – это не пустыня. Но песчаные участки на плато тоже встречаются. Я сразу вспомнил, как мы бурили котлованы под опоры в районе полустанка Равшан, и как на три каменных котлована приходился один песчаный.

Итак, за холмом, несомненно, имелся участок зыбучего песка. А на самой трассе работала техника, включая мощные экскаваторы. В какой-то момент, на беду ремонтников, эта техника расположилась так, что вибрация от нее передавалась зыбучему песку с максимальной амплитудой. Совпало множество факторов, вызвавших своего рода цепную реакцию.

Машина забуксовала. Водитель, надо полагать, пытался дать задний ход, затем принялся переключать скорости, усугубляя эффект вибрации. Когда они поняли, что дело неладно, было уже поздно.

Машина ушла в неведомые глубины вместе с людьми, а продолжавшаяся вибрация разгладила песок поверху, распределила его равномерно по всей поверхности, так что никому и в голову не могло придти, что трагедия разыгралась именно здесь.

Через какое-то время экскаватор переехал на новое место, и участок зыбучего песка снова сделался проходимым.

Когда на завтра здесь появились поисковики, то они могли тысячу раз пройти и проехать по этому песку, даже не догадываясь, что предмет их поиска покоится у них под ногами. Ну, а вертолеты лишь попусту бороздили небо.

ДЕЙГИШ

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.